

Рисунок Настасьи Поповой

Поразившись своим воспоминаниям, Джон оглянулся и увидел, что другие машины тоже остановлены. Черные парни из Африканского союза смеялись, они перегнулись через борта автомобилей и сами трогали руки москвичей и хлопали их по плечам. Раздались гудки клаксонов, и машины тронулись дальше.

Джон немного успокоился. Ужасно хотелось вымыться после этих прикосновений. Было очень жарко. Американец с любопытством оглядывался по сторонам. Вчера вечером увидеть ему практически ничего не удалось. Члены американской делегации ехали с вокзала на автобусе по темному скучному городу, где освещались уличными фонарями только тротуары и проезжая часть. Фасады зданий, с их светящимися окнами квартир, были похожи на корабли в ночном море. Никакой разноцветной движущейся неоновой рекламы Coca Cola, Marlboro, никаких банков, ресторанов, гостиниц не было видно. Вдруг он заметил большую ярко горящую букву «М». Его сосед-

ка, Эмели, вскочила и радостно закричала:

— Смотрите, смотрите, это «Макдоналдс», наконец-то хоть что-то привычное!

Но переводчик, симпатичный парень Алекс, удивленно ответил:

— Какой такой «Макдоналдс»? Буква «М» означает, что это вход в московское метро. Наше метро — самое комфортное и красивое в мире. Вам всем раздадут специальные фестивальные карточки с вашими именами и адресом, где вы будете жить в Москве, и по ним вы сможете ездить бесплатно в общественном транспорте, в том числе и в метро. А еще с сегодняшнего дня в нашем городе стали освещать Кремль, и туда теперь может прийти каждый.

— Если русские подсветили Кремль — это действительно знак того, что мир становится безопаснее, — негромко прокомментировал слова переводчика Стив. — Раньше они выключали ночное освещение правительственных и других важных зданий, соблюдали

светомаскировку на случай внезапной бомбежки.

Машины окружала толпа, и они останавливались еще несколько раз. Все успокоились понемногу. Переводчик Алекс объяснил, что не надо тревожиться, подобным образом встречать гостей — это такая русская национальная традиция. Особо почетных иногда даже подбрасывают на руках человек шесть. Тут Эмели ойкнула и тихонько, чтобы никто не видел, заплакала.

На других автомобилях процесс осязательного знакомства, похоже, сильно возбуждал прежде всего чернокожих братьев. Им это очень нравилось, и они пребывали в состоянии крайней готовности. Если бы не необходимость двигаться дальше и многочисленные свидетели, они бы уже реализовали свои эмоции с москвичками и москвичами в более интимной обстановке.

Джон снимал происходящее на свою камеру, когда его машина подошла к Колхозной площади, на углу которой со стороны Сретенки стояло

здание Щербаковского университета. На крыше магазина расположились несколько сотен людей, они хотели получше рассмотреть происходящее. Джон поймал в кадр это двухэтажное здание и людей на крыше — и вдруг увидел, как по фасаду побежала трещина. Раздался треск, напоминающий сухой выстрел, а потом грохот, летящая шрапнель кирпичей — и всё заволокли столбы плотной цементной пыли.

Из толпы тут же выдвинулись парни, на ходу доставая из карманов красные повязки, и выстроили оцепление вдоль Садового кольца, перегородили Сретенку. Машины с иностранцами резко увеличили скорость. После нескольких мгновений оцепнения американцы стали требовать, чтобы машину остановили, начали объяснять Алексу, что они могут помочь в спасении людей. Переводчик среагировал быстро и грамотно, сказав, что все необходимые действия уже предпринимаются советскими специалистами, а совсем рядом находится институт имени Склифосовского — лучшее медицинское учреждение в стране по оказанию экстренной помощи при острой травме.

До самого стадиона Ленина в «Лужниках» американцы обсуждали происшествие и решили, что надо обратиться к делегатам фестиваля с предложением отменить торжественное открытие и объявить траур по погибшим, а также немедленно начать сбор средств для лечения пострадавших и помощи семьям погибших.

В «Лужниках» Джон спрыгнул со своей машины и побе-

жал к соседней, где располагался Стив:

— Стив, ты видел эту катастрофу с обрушением здания на площади?! Там погибли десятки, а может быть, и сотни людей! И мы причастны к этой беде! Я все снял на пленку! Надо помочь русским!

— То, что снял на пленку, — это отлично. Дай мне немедленно камеру, я передам отснятый материал по своим каналам в CNN. Считаю, что с сегодняшнего дня с таким сюжетом ты стал знаменит, а значит, и богат. За русских не волнуйся, торжественная церемония открытия будет великолепной, они такие вещи делают с огромным размахом, а про трупы и не вспоминают. Сделают вид, что ничего не случилось. Даже в местной прессе ничего не будет опубликовано. Что такое сотня человеческих жизней по сравнению с праздником борьбы за мир?! А кроме того, они привыкли к массовым жертвам во время народных гуляний. Это одна из их варварских традиций. Даже во время празднеств в честь коронации их последнего царя Николая Второго на Ходынском поле в Москве погибло больше тысячи человек. О, мне пора исчезать, по-моему, эти двое энергичных парней идут как раз за твоей пленкой. Пока! — Стив быстро схватил камеру Джона и скрылся в толпе. Двое парней, направлявшихся к ним, побежали за Стивом, пытаясь перехватить его.

Джон Кор сидел на трибуне стадиона абсолютно опустошенным. Он все ждал, что кто-то из выступающих на церемонии открытия фестиваля скажет о случившемся, выразит соболезнования семьям погибших, но все смеялись.

Окружающие Джона молодые глаза излучали восторг. Со времен древнего Рима для людей, собиравшихся на трибунах стадионов, человеческие жертвы были делом обычным, а фестиваль являлся событием вселенского масштаба, который никто не позволил бы омрачить из-за сотни погибших зевак, неудачно устроившихся на крыше.

Делегатам фестиваля на трибуны поставили клетки с голубями: по десять птиц в каждой. По команде старших на трибунах парни и девушки выпустили пернатых, подбросив их в небо. Глядя на них, Джон вдруг почувствовал облегчение, он понял, что летящие голуби открывают дорогу благой вести и любви в эту часть земли, и сердца людей будут разбужены.

8. ВСТРЕЧА

Сто девушек удивительной красоты, одетых в белые гимнастические купальники с короткими юбочками, объединились в различные немыслимые фигуры на огромном зеленом поле стадиона, подобно кристалликам в калейдоскопе. Фигуры распались, складывались по-новому, перетекали одна в другую. Далее началось представление с танцами и музыкой различных народов, населявших Советский Союз. Ни Джон, ни его товарищи по делегации не понимали слов песен и смысла происходящего, но чувствовали, что хозяева пытаются открыться своим гостям и показать, сколь многого они достигли в Советском Союзе и как замечательно им здесь живется. Все было очень красиво, ново, и делегаты испытывали необычайный подъем духа от происходяще-

го. Конечно, ни одна другая страна послевоенного мира не могла себе позволить таких сказочных торжеств. Именно сказочных. Знаменитые бразильские маскарады были жалким подобием происходящего здесь.

О культуре Советского Союза в остальном мире не было известно практически ничего, за исключением цирка и балета. Никто не знал творчества советских писателей, большинства композиторов, художников, практически никто не видел советского кино. И вдруг оказалось, что советские люди потрясающе красивы, могут смеяться, шутить, танцевать и петь.

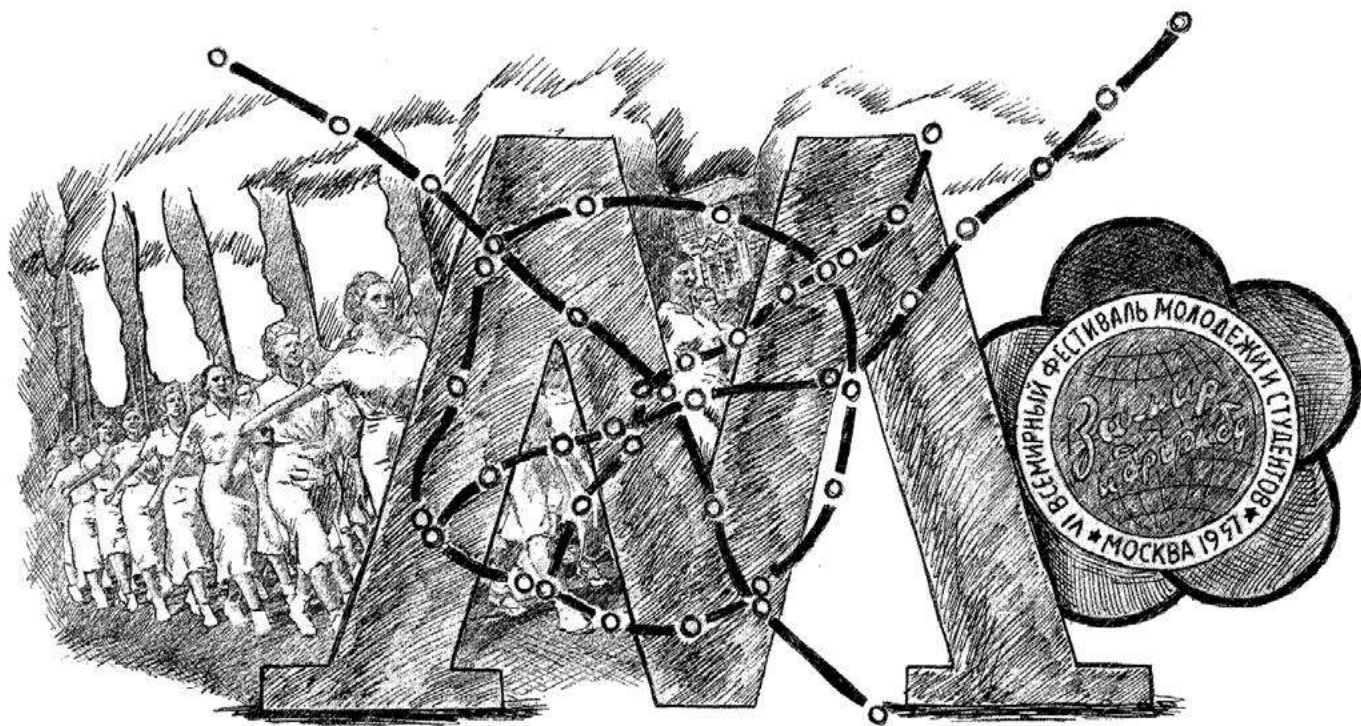
Для Джона это стало огромным открытием. Он очень расстроился, что отдал Стиву кинокамеру и не может запечатлеть то, что происходит на поле стадиона и на трибунах. Момент обрушения здания, конечно, был уникальной съемкой, но никакой

новизны и сенсационности эти кадры в себе не несли. В Америке Советский Союз воспринимался исключительно как страна зла, где людей мучают и пытаются, где ценность человеческой жизни стремится к нулю. Уникальные кадры он мог бы снять только сейчас, возможно, впервые показав остальному миру открытых, смеющихся, танцующих советских людей — делающих это так же, как и французы, итальянцы, американцы. Короче, советские были нормальными, они были людьми. И вот это было настоящей сенсацией, которую Джон снять не смог!

За пределами Советской России, на бытовом уровне, ее образ формировали исключительно русскоязычные эмигранты, их ненависть и боль. Даже образованные молодые люди, такие как Джон, полагали, что развитие русской культуры остановилось на бале Наташи Ростовской из «Войны и мира» графа Льва Нико-

лаевича Толстого, «Лебедином озере» Чайковского и картинах русских авангардистов, что, уехав детьми или достаточно молодыми людьми, вдоволь намотались по миру и везде оставили свои работы. Поэтому увиденное им в Москве вызвало состояние культурного и информационного шока, а действия людей в состоянии шока являются аномальными.

Под утро Стив вернул Джону кинокамеру, и тот уже не расставался с нею до конца своего пребывания в Москве. Джазовый банд, в котором Кор играл на банджо, давал минимум по два концерта в день. Интерес советских студентов к джазу и рок-н-роллу был огромным. Музыка Гленна Миллера, Дюка Эллингтона, Бэни Гудмана, Арти Шоу, Чарли Паркера, Элвиса Пресли звучала везде. В парке Горького каждый вечер под нее собирались танцевать рок-н-ролл и свинг самые красивые москвичи.

Они были одеты удивительно ярко: юнoshi носили узкие брюки, цветные галстуки и пиджаки, волосы их были начесаны вверх а-ля Элвис; девушки были облачены в туфли на высоких каблуках, цветные юбки колоколом с широкими поясами, плечи и шея их были вызывающе обнажены, а волосы рассыпаны по плечам, бусы, браслеты, клипсы, сумочки и перчатки дополняли наряд. Американцы играли джаз и, как замороженные, смотрели на этих ярких и раскованных молодых людей с раскрепощенной сексуальной энергией. Никогда и нигде больше, ни до, ни после Московского фестиваля, Джон не видел ничего подобного.

Дней через пять после начала фестиваля, на одном из таких танцевальных вечеров, Джон увидел парня своего возраста с американской кинокамерой, тот снимал их выступление. После окончания концерта Джон спрыгнул со сцены и подошел к нему:

— Привет, меня зовут Джон Кор, я из Нью-Йорка, я тоже очень люблю снимать жизнь. И у меня есть такая же кинокамера, как у тебя.

— Извини, я не очень хорошо говорю по-английски, меня зовут Иван Герцев, я студент медицинского института и снимаю фильм о фестивале по заданию Фрунзенского райкома комсомола. А камеру мне подарил друг моего отца. Камера эта знаменитая, ею американские операторы снимали Ялтинскую конференцию, — спокойно и приветливо ответил Джону русский парень.

— Потрясающе! Я так рад, что ты говоришь по-английски. Скажи мне, кто эти парни и девушки, что так необычно одеты и так здорово танцуют? Не

бойся меня! — сказал Джон, заметив промелькнувшее напряжение в глазах Ивана.

— А я и не боюсь! Как, ты не узнаешь, кто это? Они подражают американцам, они одеты как американская молодежь и танцуют как американская молодежь. Мы же зовем их стилистами, — удивленно ответил Иван.

— У нас в Америке молодежь так не одевается и не танцует. Я правильно услышал? Их зовут сти-ля-ги? — подчеркнул растянуто произнес Джон.

— Ну конечно, ты же американский рабочий и не знаешь, как одеваются и танцуют дети богатых буржуев! — попытался понять и интерпретировать русский.

— Я не рабочий, я кинооператор, сотрудничаю с несколькими американскими журналами и телекомпаниями, много езжу по своей и другим странам, но стилист я не видел, — четко, чтобы его правильно понял русский, продекламировал американец.

— Вот видишь, даже тебе, простому кинооператору, буржуазная пропаганда не дает говорить правду. Может, ты скажешь, что и джаз с рок-н-роллом не американцы придумали? И «Серенада солнечной долины», «Девушка моей мечты», «Тарзан», «Сестра его дворецкого» — не американские фильмы? А Джек Лондон, Теодор Драйзер, Марк Твен, Эрнест Хемингуэй — не американские писатели? — немного раскрасневшись от такой явно «буржуазной лжи», наступал на Джона Иван.

Джон открыл от удивления рот. Молодой советский парень знал об американской культуре больше, чем

обычный американец. Вот тебе и закрытая страна. Советские люди не знали, что такое виски, сигареты «Мальборо», автомобиль «Форд», джинсы и многое другое, но любили джаз, рок-н-ролл, читали Марка Твена и Хемингуэя. Американец почувствовал себя как Алиса в стране Зазеркалья из сказки Кэрролла Льюиса.

— Конечно, это американские фильмы. Ваши солдаты захватили их в качестве трофеев во время Второй мировой войны в Бабельсберге, пригороде Берлина. Я тоже очень люблю эти фильмы — это кино моего детства. А вот Теодора Драйзера и Эрнеста Хемингуэя я, к своему стыду, не читал. Ну а джаз возник на юге Америки. Черных рабов привозили из разных частей Африки работать на плантациях Юга, они говорили на разных языках, поэтому общались с помощью жестов или танцев, и часто не могли правильно повторить одну и ту же фразу на другом языке, поэтому импровизировали. Сочетание импровизации и устойчивой гармонии и дало миру джаз.

— Значит, вы, американцы, признаете, что угнетаете негров и ущемляете их гражданские права и свободы?! — неожиданно воскликнул Иван, и глаза его загорелись таким знакомым Джону огнем борца за справедливость.

— Да, рабство — это часть истории Америки, но мы стараемся преодолевать расизм в нашем обществе, — медленно, взвешивая каждое слово, проговорил Джон.

— Врете вы все! Вот, к примеру, если белая женщина полюбит черного мужчину,

как к ней относится американское общество? — еще более запальчиво продолжал задавать вопросы русский парень американцу.

— Бытовой расизм эволюционировал, как и само американское общество. Например, в начале века, особенно в южных штатах — Луизиане, Джорджии — подобные союзы были практически невозможны, а если и случались, то такую женщину могли опозорить — побрить ее наголо, порвать на ней одежду, не пускать в публичные места для белых людей. В этих штатах в старых домах до сих пор хранятся личные вещи предков — такие как парадные шпаги ку-клукс-клана. Мой отец встречал окончание Второй мировой войны во Франции. Так вот, он мне рассказывал, что французских женщин, что имели сексуальные отношения с фашистами, их сограждане тоже брили наголо и рвали на них одежду, — спокойно рассказывал об истории США Джон.

— Какие же у вас жестокие обычаи. Опозорить и издеваться над незащищенной женщиной только за то, что она полюбила мужчину с другим цветом кожи. В нашей советской стране это невозможно, здесь мы все равны, мы — интернационалисты, — с достоинством, как на комсомольском собрании, ответил Иван.

На танцплощадке было много ребят из Африки, Азии и Латинской Америки, и все они поголовно танцевали с советскими девушками. Пары танцевали очень раскованно и сексуально и после нескольких таких танцев уходили гулять в ночной парк, иногда возвращались обратно, но чаще всего нет.

На грани танцевального светового круга расположились парни, одетые в темные широкие брюки и белые рубашки, с комсомольскими значками на груди и красными повязками на руках. Это были народные дружинники, добровольно помогавшие милиции и следившие за порядком. Все они курили, кто-то сигареты «Друг», кто-то папиросы «Беломор» или «Север».

Джон, как замороженный, смотрел на этот курительный ритуал. Прикуривали парни как в окопе, зажигая спичку в ковшиках ладоней. Конец бумажного мундштука папиросы сначала сжимали зубами, а затем поперек пальцами. Когда бумажный мундштук папиросы намокал, его откусывали зубами и сплевывали прямо на пол танцплощадки. Обгоревшую спичку отщелкивали метров на десять, так же как и не всегда потушенный окурочок папиросы. Разговаривали дружинники между собой, перекачивая окурочек из одного угла рта в другой.

— Иван, если ты закончил снимать, может быть, уйдем отсюда? Ты мне покажешь Москву, а то я ее практически не видел. Извини, но я воспринимаю город исключительно ногами, — предложил Джон.

— Конечно, пойдём. Темно уже совсем, снимать практически невозможно, — приветливо согласился Иван.

Проходя мимо дружинников, американец закашлялся от густого дыма, и в перерыве между приступами надсадного кашля прохрипел:

— Терпеть не могу, когда курят марихуану!

— Какую еще марихуану? — сильно удивился Иван.

— Это такое растение, его сушат, а потом курят. Нарко-

тик, — начал объяснять русскому американец.

— Марихуана — это табак? К табаку, конечно, есть привыкание, и он сильно вредит здоровью, но как будущий врач я точно знаю, что к наркотикам табак не относится, — подытожил табачную тему Иван.

Сразу за танцплощадкой Джон и Иван свернули и двинулись к выходу из парка. Вдруг в боковую аллею, по которой они шли, перегородив им дорогу, выехал грузовик. Его мощные фары проложили яркую дорогу света. Борт машины открылся, и на землю начали прыгать дружинники, в руках у них были мощные фонари, ножницы и ручные машинки для стрижки волос. И тут из-под кустов, деревьев и просто из травы стали вскакивать женщины, с визгом и криком бросаясь враспынную. Это была женская советская половина тех интернациональных парочек, что покинули танцы. Дружинники ловили девушек, рвали на них одежду и брили до голого черепа машинкой, а затем сажали в грузовик, на котором приехали сами. Девушки визжали, царапались и кусались, как кошки.

— Ну что, шлюхи, подстилки, натрахались с черножо...ми? Налысо вас, чтоб все знали, кто вы, и плевали вам вслед! — презрительно кричали комсомольцы.

— Что они делают, это же насилие! Побежали, надо срочно позвонить в вашу полицию! Где здесь ближайший телефон? — тихо произнес американец и толкнул локтем Ивана.

— Не надо никуда звонить. Эти и есть почти что полиция.

Полицаи, фашисты! А делают они то же самое, что и ваши предки в Луизиане, — ответил ему Иван сквозь зубы.

Вдруг со скамейки вскочила девушка и побежала, но угодила в пятно фонаря, дружинник догнал ее, схватил за косы, на-

мотал их на руку и начал пилить ножницами.

— Пустите меня, дяденька, — просила она, поскуливая. — Я думала, что он хороший парень, гость, хочет, чтобы я ему показала Москву, а он целоваться по-

лез, а кричать неудобно, ведь иностранец же. А вы мне косы режете, за что? Позор ведь, мама меня убьет! Пустите меня, пожалуйста!

Продолжение следует.

США

